

1 место

Колмогорова Наталья
(Самарская область, ст. Клявлино)

ДОМОВИХА

Мотя махонька, да смьшлѐна. Посреди подружек – заводила-затейница. Шостый год покатился с горки, будто ледянки – со снежной кучи.

- Мотя, кастрюлю отскобли, чашки помой, - скажет, бывало, мать. Мотю два раза просить не надобно. Влажного песка на кусок рогожи наберѐт, и ну драить чашки-ложки-поварѐшки! Розовый язычок от усердия высунет, струйки пота со лба тыльной стороной ладошки оботрѐт. Знает Мотя, как с работой надо управляться. Работа – она работащих боится! Мать горбуху хлеба вынесет – сладкую, ржаную. Вку-уу-сную! Поверх горбушки – крупные кристаллы соли. Бежит Мотя по улице с куском хлеба – только пятки босые сверкают, да сарафан, словно колокол, раздувается.

Мать отпустит погулять, да накажет, чтобы недолго. Как только солнышко зацепится за макушку придорожного столба, что возле сельсовета, значит, пора домой – братца нянчить. Пока Мотя за малым приглядывает, мать с делами управляется – похлѐбку сварит, двор выметет, с колонки воду натаскает.

Батьку Мотя видит дома только по вечерам, или по праздникам. «Копия отец», - судачат про Мотю соседки. Оно так и есть! Нос картохой, волос густой, с весѐлыми завитушками, цвета потемневшей от дождя соломы. И норов, как у отца – шebutной. Спиридона Копылова и в родном посѐлке, и за его пределами, хорошо знают. И мастеровитый, и работающий, и за словом в карман не полезет. Зимой и летом шабашит, копейку в семью зарабатывает. Родители так наказывали: «Нарожал детей, значит, корми досыта, на ноги поставь». Старается Спиридон ради молодой жены да сына с дочкой. А как иначе? То на заготовку кедровых шишек подвяжется, то на рыбалку, когда нерест идѐт. Енисей хоть и угрюм, но зато щедр на рыбу – омуль, щука, язь. А коли тятка подвяжется на заготовку леса, то непременно принесѐт или груздей котомку, или короб малины, или горсть брусники.

Вернѐтся отец с заработка, Матрѐна уткнѐтся ему в колени, ловит курносым носом всякие вкусные запахи – речные или таѐжные. Батька ласково погладит по волосам, скажет: «Кровиночка моя ненаглядная!»

А жена, Ульяна, больше сына пестует-балует. Мамки – они завсегда сыночков больше любят. Ульяна – полная противоположность мужу, строгая, не шибко говорливая. Каждое слово – на вес золота. Сама высокая, ладная, хоть картину пиши. Но всё Ульяне чего-то неймѐтся, всё не эдак да не так:

- Давай уедем отселе, Спиридон.

- Куда уедем? Нам и тут хорошо.

- Хорошо, да не больно хорошо. Зима длинная, а лето короткое. Комарьё да гнус, да волки, да медведи. Поедемте в Поволжье, там фрукты растут. Тётка писала, виноград даже вызревает.

- Какая шлея тебе под хвост попала? Опять – двадцать пять!

Спиридон в сердцах хлопнет дверью, шибче, чем обычно, выйдет во двор, раскурит самокрутку, успокоится. Ульяна чашками погремит – тоже, значит, сердится

Изба у Копыловых небольшая, но справная. Стены бревенчатые, брёвнышко к брёвнышку. По периметру двора высокий частокол, от зверья и гостей непрошенных. В избе огромная, словно корабль, печка. Корабль Матрёна видела только один раз, ранней весной. Белая махина, с яркими буквами на борту, медленно шла вниз по течению.

- Гляньте, корабль плывёт!

Местная ребятня, любопытные взрослые, побросав все дела, высыпали на берег.

- Э-ге-ге-гей! – мальчики, засунув пальцы в рот, свистали вслед удаляющемуся судну.

- У-гууу! – отвечал им корабль.

- Вот это громадина! – восхитился кто-то из взрослых. – «Валерий Чкалов» называется.

«Чкалов» издал прощальный гудок и скрылся за изгибом реки. Моте отчего-то стало тоскливо, словно бы, корабль увёз вместе с собой что-то очень важное из её жизни. Она отчётливо представила себе, как причаливает он к южному берегу, обогретому солнцем. И как встречающие подкидывают вверх шапки, радуясь прибывшим пассажирам. В тех краях всегда тепло, солнечно, и почти не бывает зимы. Там растёт виноград, и цветут красные розы.

Всю эту красоту Мотя однажды видела в книжке, у закадычной подружки Любы. Люба разрешила книгу только полистать, а взять домой, даже на одну минуточку, не позволила.

- Испачкаешь ещё, а книжка дорогая.

- Тять, а виноград вкусный? – донимала Мотя отца.

- Почём я знаю? Не пробовал.

- А как розы пахнут?

- Не знаю. Может, как шиповник?

Моте показалось, что отец начал сердиться, поэтому замолчала. Новость о том, что к Копыловым пришло письмо, прилетела гораздо быстрее, чем почтальонка постучала в дом. Бабы – они такие, все новости наперёд знают! Письма и телеграммы с Большой земли в посёлке были такой же редкостью, как папиросы или конфеты-батончики в сельском продмаге.

Ульяна нетерпеливо надорвала голубой, истрепавшийся по углам, конверт. Письмо читала долго, чуть слышно шевеля губами, перечитывала вновь. Мотя по лицу матери старалась определить, какая новость – хорошая или плохая – сокрыта в небольшом клочке бумаги. У Спиридона, в отличие от жены, всегда всё на лице написано. У Ульяны чувства – за семью

печатами. Если рассердится – только бровь недовольно поднимет, а ежели развеселится, то в голос редко когда рассмеётся.

Наконец, мать отложила письмо в сторону, поцеловала Мотю в макушку:

- Теперича надо батьку нашего уговорить!

- Куда уговорить? Зачем?

Но вопрос Моти остался без ответа...

Проснулась Мотя от того, что мать с отцом спорили. А если говорить точнее, то ругались. Если бы не ночь и спящие дети, то вместо громкого шёпота (словно две рассерженные змеи шипят!) всё было бы иначе. Ульяна, точно курица, растопырив локти-крылья в стороны, охаживала бы отца упрёками. А отец с остервенением крутил бы самокрутку, или лущил ножиком лучину для печки.

- Чего я не видал в том Куйбышеве? – сердито шипел отец.

- Талдычу тебе который день! Тётка одна осталась, старенькая совсем. А дом большой, на нас отпишет. И школа рядом, и детский сад есть. В этой дыре весь век куковать, что ли?

- Тебе дыра, а я тут родился! А где родился, там и сгодился. Спиридон вспомнил, как познакомился с Ульяной при строительстве Красноярской ГЭС.

- О детях подумай, Спиридон. И климат там теплее, и комарья нет.

- Маяться я буду, на чужбине-то. Как ты не поймёшь?

Но ежели женщина чего-то сильно захочет, так тому и быть! А коли две женщины захотели, то случится всенепременно. Мать с дочерью взяли Спиридона в оборот. Где мытьём, где катаньем – уговорили всё-таки сменить мрачные воды Енисея на спокойные воды Волги-матушки. Так уж устроен человек – всегда ищет лучшей доли. А где она, лучшая доля, никто заранее толком не знает. Везде, говорят, хорошо, где нас нет!

Избу продали быстро, скарб собрали.

- Молись Святому Спиридону, чтобы дорожка скатертью была, - увещевала Ульяна мужа, заворачивая образа в кусок новой ткани.

- Тять, а мы на корабле поплывём?

- На пароме, после на поезде поедем, а потом видно будет.

Мотя испытывала двоякое чувство: ей хотелось немедленно отправиться в путешествие, и в то же время, жаль было оставлять родной угол. Мотя огляделась... В передней комнате – тяжеловесный дубовый стол, люлька, привязанная к крюку в потолке. На полу – шкура медвежья. В красном углу – иконостас. В задней комнате – полати, прикрытые самотканой рогожей, шкаф с посудой, самовар, чугуны да чашки... Редко покидали люди эти суровые, но щедрые на пропитание и красоту, места. Потому и отговаривали Спиридона сотоварищи:

- Куда едешь? Чего тебе тут не хватает? Оставайся!

Ан, нет! Теперь уже Спиридон упёрся рогами. Раз мужик решил – так тому и быть. И чем больше уговаривали, тем больше хотелось ехать, сделать как бы наоборот, назло всем. В воздухе уже чувствовались первые признаки

осени. Тайга, подступавшая к дому, смотрела мрачно и настороженно. От Енисея тянуло холодной волглой изморосью. Ветер всё чаще подтягивал с севера серые низкие тучи.

Едва лишь рассвет заглянул в окна избы, семья Спиридона споро поднялась. Спотыкаясь о баулы и тюки, принялась таскать вещи и складывать в подъехавшую подводу. Мотя ощутила дрожь и болезненное нетерпение во всём теле. Хлопали двери. Братик плакал. Лаяли собаки.

Ульяна окинула избу прощальным взглядом:

- Ну, с Богом!

Входную дверь подперла толстой жердью – замков на дверях в поселении отродясь ни у кого не было. Хозяин каурой лошади, худой и бородатый, словно леший, равнодушно глядел на суету отъезжающих, изредка позёвывая и поглаживая бороду.

- Усё взяли?

- Всё, братец, трогай!

Мотя, восседавшая на самом верху пирамиды из мешков, вдруг вскрикнула, и не успели родители опомниться, как тут же соскочила на землю.

- Стой, Матрёна, ты куда?

- Я щас, куклу забыла!

- Да где ж твоя кукла?

- На печи осталась.

- Ступай, только быстро!

Мотя, рывком открыв входную дверь, словно ураган влетела в избу. И замерла на месте... На печи, свесив ножки, обутые в махонькие лапоточки, сидела старушка. По личику её, сморщенному, как мочёное яблоко, торя дорожку, бежали ручейки слёз. Старушка баюкала на руках Мотину куклу... Старушка плакала молча, но так горько, так безнадёжно, что Мотя сама чуть было не расплакалась. Открыв рот от удивления, она не знала, что делать и как быть. Старушка словно бы её и не видела, всё качала куклу и качала, всё баюкала и баюкала...

- Мотя-ааа! – послышался с улицы голос матери.

Матрёна обернулась на крик, а когда взглянула на печь, там уже никого не было. Она опрометью бросилась на улицу, споткнувшись о порог, едва не упала.

- Что случилось? – всполошился отец.

- Там! Там! – Мотя никак не могла ответить ничего вразумительного. Отец соскочил с телеги, бросился в избу, обшарил все комнаты, но никого не обнаружил.

Когда Мотя немного успокоилась, она рассказала про старушку, сидящую на печи с куклой.

- Эх, горе горькое! – вздохнул Спиридон. Забыли мы про Домовиху-то. Мать моя сказывала, что на веник надо сажать, да из хаты вместе с собой брать. Тогда удача на новом месте будет, и дорога ладная. Совсем я запамятовал! Дурная это примета.

- И что теперь делать? – с тревогой спросила Ульяна.

- Оставайся, Спиридон, - «леший» посмотрел строго из-под густых бровей. – Нехорошо это – Домовиху обижать. Не будет счастья на новом месте. Верно говорю, не будет. Спиридон совсем растерялся:

- А как же дом? Ведь новые хозяева теперича у дома-то.

- А ты им объясни, всё как есть. Они люди хорошие, войдут в положение.

Спиридон вопросительно поглядел на жену. Ульяна, ни слова ни говоря, молча слезла с подводы. С этого дня в семье Спиридона всё вернулось на круги своя. Ульяна больше не заводила разговоров о переезде на новое место. Может, потому что опомнилась в последний момент – «от добра добра не ищут». А может, испугалась, кто его знает?

А подружка Люба, прознав о случившемся, жадничать перестала, дала-таки книжку домой почитать и картинки посмотреть. А на картинках – море, виноград и жаркое южное солнце...

Тамара Колесник
(г. Красноярск)

ДЕТИ ПАПЫ КАРЛА

Как сейчас помню день, который, как я теперь понимаю, определил мою творческую судьбу. Шла третья неделя моей учёбы на историко-филологическом факультете Енисейского педагогического института.

Лекции проходили в актовом зале на втором этаже, вместе с другими студентами я поднималась туда по широкой мраморной лестнице с массивными перилами, чувствуя себя маленькой птичкой, залетевшей в райский сад. До революции в этом здании была женская гимназия, и по этим крутым ступенькам ходили чопорные гимназистки в накрахмаленных белых фартуках. Дорогая моему сердцу деревянная двухэтажная школа в посёлке не выдерживала никакого сравнения с просторными институтскими коридорами и аудиториями. Всё удивляло, восхищало и вдохновляло!

Но уже через неделю я поняла, что три «ленты» лекций и семинарских занятий заканчиваются в двум часам дня, потом час-полтора подготовка в библиотеке, и остаётся еще куча свободного времени. Вот в один из таких дней я подошла к доске объявлений. Читаю: приглашают студентов на курсы водителей мотоциклов, кройки и шитья, в кружок художественной самодеятельности, в группу любителей астрономии в институтской обсерватории.

И вот слышу за спиной трубный мужской голос:

- Ишь ты, какая дюймовочка! Уже студентка! Выбираешь, куда ещё направить свои молодые силы и мозги?

Поворачиваюсь и вижу высокого парня – то ли старшекурсника, то ли преподавателя. Я обомлела от неожиданности. А парень продолжал:

- Стишки, небось, пописываешь в тетрадку? Чего молчишь? Значит, точно пишешь. Тогда к нам – в литературное объединение к Папе Карло. Занятия по четвергам, в шесть вечера в четырнадцатой аудитории. Сегодня как раз четверг, приходи. А зовут тебя как?

Чуть слышно я назвала себя. Но никакой группы Папы Карла в объявлении не нашла.

И, тем не менее, к шести часам уже стояла у четырнадцатой аудитории. Через неплотно прикрытую дверь слышны мужские голоса. И тут подходит тот парень, что пригласил меня в группу Папы Карло, протягивает руку:

- Ну, давай знакомиться – будущий твой коллега, студент второго курса Василий Титенко. Не робей, мы, дети Папы Карла, добрые и гостеприимные. Входи, сядешь за мой стол.

Пропустив меня вперёд, новый знакомый зычным голосом прервал громкий разговор:

- Знакомьтесь, литераторы, поэты и прозаики, это наш новый член литературного объединения. Прошу любить, уважать и не обижать.

Буквально через пару минут в аудиторию вошёл прихрамывающий Карл Иванович, куратор моей группы «Г» и, как оказалось, ещё и руководитель литературного объединения, название которого уж точно придумали эти острословы. Папа Карло обвёл всех взглядом, убедившись, что за летние каникулы отсеялись только выпускники, обратил внимание и на новичков. Василий Титенко представил меня и десятиклассника из городской средней школы Сергея Захарова.

- Надеюсь, каникулы были для вас плодотворными. – продолжал руководитель, - для новых членов объединения представлю костяк нашего объединения: Юрий Дорогов, Анатолий Васильев, Василий Титенко, Николай Рябеченков, Лев Видинеев. На заседании присутствовало человек десять, но я тогда запомнила не всех, а только тех, с кем потом, как с коллегами, встречалась на совещаниях и семинарах в краевом управлении печати.

- Кто первым начнёт наше сегодняшнее заседание и представит коллегам плоды летнего творчества?

Карл Иванович пересел за свободный стол, а на его место вышел с новым рассказом Титенко. Рассказ не помню, а вот обсуждение произвело впечатление. Выступали почти все, делая замечания по тексту, отмечая хорошие и неудачные моменты. Лишь иногда в обсуждение вступал Карл Иванович. Свои стихи на том заседании читал служивший в войсковой части в черте города Николай Рябеченков, студенты Геннадий Береснев и Юрий Дорогов. Заседания никогда не были одинаковыми, каждый раз проходили интересно, зачастую с весёлыми шутками, беззлобными подколами.

Очень застенчивый Анатолий Васильев обычно знакомил со своими рассказами тихим голосом, так что приходилось напрягать слух. Лев Видинеев, небольшого росточка студент, уже отслуживший в армии, читал свои стихи густым басом, а однажды принёс на занятия баян и исполнил нам песню своего сочинения. Его голос замечательно звучал в притихшей аудитории. Потом Лев по рекомендации руководителя объединения даже выступал на институтской сцене с авторскими песнями.

Я слушала, училась у молодых литераторов (так получилось, что я была одна в мужском коллективе) и удивлялась – какие умные и талантливые учителя после института пойдут в школы... Но вот сама, как ни уговаривали меня ребята, читать свои стихи не решалась.

Чуть более двух месяцев наши занятия проходили под руководством Карла Ивановича, но перед Новым годом наш добрый Папа, ветеран и инвалид войны, орденоседец ушёл из жизни. В жуткую стужу проводить его в последний путь вышли все студенты и преподаватели. Наше объединение «сиротствовало» почти месяц: но мы по-прежнему собирались по четвергам и, как при Карле Ивановиче, проводили свои заседания, руководил нами активный и горластый Вася Титенко.

В январе объединение возглавил преподаватель зарубежной литературы, член Союза художников СССР Василий Иванович Макаров, но мы, как и раньше, называли себя детьми Папы Карла. Новый руководитель был не против такого решения. Именно Василий Иванович (наш Макар) как-то после

очередного занятия попросил дать ему тетрадку с моими стихами. Через месяц, или чуть больше, Василий Иванович принёс на очередное заседание «Красноярский рабочий» и «Красноярский комсомолец», прочитал из каждой газеты по стихотворению и обратился к присутствующим

- Кто знает, чьи это стихи?

После затянувшейся паузы я призналась. Стихи мои не обсуждали. Но ребята единогласно решили, что я не зря ходила на занятия четыре года. А Юрий Дорогов - спокойный и деликатный - искренне удивился:

- И чего ты нас стеснялась? Судя по этим стихам, перо у тебя лёгкое, рифмы не избитые, с законами стихосложения в ладу!

... Каждый год, сдав выпускные экзамены, получали направления в школы края и выпускники филологического факультета Енисейского педагогического института, члены литературного объединения Дети Папы Карла. И совсем не удивительно, что многие из них нашли своё призвание не в школе, а в журналистике: Анатолий Прокопьевич Васильев работал в «Енисейской правде», в лесосибирской «Заре Енисея», несколько лет был редактором районной газеты «Ленинское знамя» в Козульке (сейчас газета «Авангард»), Юрий Николаевич Дорогов был заместителем редактора и в «Енисейской правде», и в «Заре Енисея», Николай Минеевич Рябеченков – поэт, член Союза журналистов и Союза писателей сотрудничал с «Речником Енисея», Василий Алексеевич Титенко работал в «Енисейской правде», редактировал Канскую городскую газету «Заря коммунизма» и газету «Знамя Ленина» в Боготоле (сейчас она называется «Земля боготольская»).

Многолетней дружбой с этими коллегами по литературному объединению Дети Папы Карла, талантливыми журналистами я горжусь. Память о их творческой жизни навсегда останется на страницах изданных ими книг и пожелтевших от времени газетах, что хранятся в архивах.

Гринькова Евгения Владимировна
(Шарыповский район, с. Ивановка)

Чувство, пронзившее жизнь

Зинка проснулась внезапно, будто её что-то толкнуло изнутри. Кругом стояла звенящая тишина. Видимо, она и была причиной её внезапного пробуждения. «Ещё можно поспать», - подумала она, стараясь лечь поудобнее. Но сон не шел, что-то мешало. «В город! Я еду сегодня в город!», - вспыхнуло в её сознании. Сон, как рукой сняло.

В свои неполные 14 лет Зинка нигде не была. Однажды только с мамкой ездила в Ирбей (районный центр), одеваться к школе. Но и тот мало чем отличался от их небольшого села. Их село (как считала Зинка) Усть-Яруль было ничем не примечательно, разве только старым зданием церкви, в котором в данное находился клуб. Да небольшая речка Ярульчик, куда бегали с ребятней купаться, да ловить «муньку» (мелкую рыбешку, стайкой, стоящую в воде). Мальчишки загребали её майками из воды, ели здесь же, оторвав головенки с кишочками, макали в соль, принесенную заранее – и в рот... Вкусотища! А здесь – город, да ещё какой – Красноярск. Крестная едет по делам, обещала взять её с собой (к большому недовольству матери).

Город – эта заветная мечта Зинки, которая сегодня может сбыться. Скорее бы утро. Загремела подойником мать, собираясь доить корову, заметив, что дочь не спит, подошла. «Может, не поедешь», – с надеждой спросила она, – потеряешься там, от лёлки не отходи». Поняв, что просить бесполезно, ворча что-то себе под нос, ушла.

Зинка выскочила на крыльцо. Солнышко уже играло на всю округу, неся удивительные краски. На перилах во всю длину расплылся рыжий кот Васька. Ужасный обжора, жуткий лентяй и соня. Лежит, хвост с одного конца свесил, морда на другом. Блаженствует на утреннем солнышке. «Васька, я в город еду!», - потрепала его Зинка за загривок. Но Васька радости её не разделил, недовольно фыркнув, скатился с перил и исчез под крыльцом.

Выйдя за ворота, Зинка увидела соседа деда Митю, который дремал на лавочке, не выпуская изо рта толстую неизменную сигарку. Она, казалось, приросла к его губе. Зинку всегда поражали его сигарки, скрученные из газеты, плотно набитые вонючей «махрой» (как выражался сам дед).

– Дед Митя, а я в город еду, - громко сообщила ему Зинка.

– В го-о-о-род... - протянул дед Митя – вот, «шельма», в город она едет. (Он всегда называл её «шельмой»). У него это выходило как-то необидно, ласково, любовно). И мать тебя отпускает?

– А я с лёлкой еду.

– Ты там под трамвай не попади.

– Ну ты, как мамка: «не разевай рот, смотри по сторонам, не отставай от лёлки» - процитировала недовольно Зинка, подражая голосу матери.

– Ну-ну, мать она и есть мать, переживат, - проговорил Дед Митя, приходя снова в своё сонное состояние.

И вот она в дороге. Поезд, монотонно постукивая колесами, уносил Зинку к её мечте. За стеклом вагонного окна мелькали села, деревни, полотна пашен и лугов, березовые рощи. Все пролетало мимо. Зинка слушала железный перестук колес, а мысли блуждали где-то далеко, рисуя в воображении сказочные картины города.

Но город её ошеломил. Он встретил её грохотом трамваев, гулом машин, снующими туда-сюда людьми. Улицы показались тесными от обилия транспорта, дома стояли великанами, угрожали упасть и раздавить её. Какой-то страх охватил Зинку, казалось, город был живой, он ворочался и тяжело дышал. Губы невольно шептали: «Красноярск, я не боюсь тебя». Зинка вдруг поняла, что никакой комфорт, никакие блага цивилизации не заменят счастья дышать чистым воздухом лесов, испытывая покой и аромат самой жизни.

Остановились у дальней родственницы бабы Физы. Её все называли ласково «бабинькой», иначе никакое имя не подходило, только «бабинька». Это была добрая маленькая старушка (как из сказки). Лицо её всегда выражало тихое, душевное спокойствие. Немалые годы пролетели мимо, не изменяя её характера. Приятной улыбкой озарялось её морщинистое лицо, её добрые, выжившие от времени глаза, ласково смотрели на мир, на людей. От неё исходил волшебный запах стряпки (она любила печь блины и прочую вкуснятину), как-будто он пропитал её.

– Бабинька, мне не понравился город, он пугает меня, - уткнувшись в её теплую грудь, с разочарованием произнесла Зинка.

Бабинька, нежно глядя непокорные Зинкины вихри, произнесла:

- Это поначалу, непривычная ты, девонька.

На следующий день бабинька зашла в комнату, где спала Зинка

– Пойдем со мной, - таинственно произнесла она, беря Зинку за руку. Повела её куда-то за гаражи, спустились с отлогого берега и вдруг... перед глазами открылась такая ширь, такой простор! Дыхание сперло от восторга.

– Что это?!, – невольно вырвалось у Зинки.

– Это Енисей-Батюшка! Так называют его испокон веков, всем рекам река.

Зинка смотрела на бабиньку и не узнавала её. Она помолодела, морщинки её разгладились, из глаз лился тихий свет любви.

Небывалый восторг охватил Зинку. Сердце замерло от необъяснимой радости. В её душе поднималась такая волна тепла, что она с трудом сдерживала слезы. Какая ширь, какое приволье! Оно заражало колдовской силой. Дышалось на полную грудь, и, сладкий покой охватил её, что она боялась пошевелиться, чтобы не потревожить эти чувства столь для неё непривычные. В хрустально-чистой воде купались лучи солнца. Сколько света, ярких красок. А небо голубое, бездонное, ярко-зеленая береговая трава. Мир открывался сразу – огромный, цветущий. Всё существо Зинки трепетало от восторга, видя, как вода блестит и сверкает серебром. По самой реке летела, играючи, моторная лодка, резала водяную гладь. Она старалась

запомнить всё, чтобы потом возвратиться к этому состоянию души. Когда и где ещё придется узреть такую красоту.

Ей снился сон. Высокий и сильный юноша-красавец, копна светлых волнистых волос, загорелое лицо с синими-синими глазами, улыбаясь белозубой улыбкой, протягивал ей руку.

– Я ждал тебя, - произнес он.

– Кто ты?!

– Я – Енисей.

– Но Енисей – Батюшка, а ты молод.

– Я бываю разным, - весело рассмеялся он. Смех его напоминал журчание ручья. Пойдем со мной, я покажу тебе свои сокровища.

Она без страха вложила свою ладонь в его. Ладонь его была большая и теплая, и в этом тепле грелась не только её ладонь, но и она вся. Они летели, поднимаясь всё выше и выше. Исходящая от него сила несколько не пугала Зинку, он был настолько надёжен, что в его руках она чувствовала себя легким перышком. Перед ними открылся окружающий мир. Она видела буйную красоту и раздолье Енисейского края. Катера и пароходы, идущие по волнам полноводной реки. Не всегда был Енисей спокоен. Местами был коварен, захлебываясь пеной, волны плясали в бешеной скачке, злобно ревел пережат. Здесь его не узнать, рвется на скалы, кипит, бушует вода, высоко вздымаясь и снова падает. И вокруг ни ветерка, никакой ряби, сплошное спокойствие. Так вот ты какой, Енисей...

Открыла глаза и долго не могла понять, где она и что с ней. Это был сон или явь? Сердце щемило от грусти. Перед глазами стоял образ того парня, она явственно чувствовала тепло его рук. Душевная печаль охватила её, прокручивала каждое мгновение сна. А сон ли это был? Сны не бывают такими реальными. Она помнила сон на протяжении всей жизни. Образ парня – Енисей остался с ней, в её душе, сердце, как большая первая любовь. Чувство, пронзившее жизнь.

Шли годы. Ей уже 70 лет. Жизнь не очень удалась. В каждом молодом человеке она искала образ «Енисея» и не находила. Тоски уже не было, была спокойная грусть. Каждый раз, ложась спать, она мечтала увидеть его во сне, но это не повторилось. И вот снова Красноярск, город уже не пугал её. Гуляя по набережной, смотрела на волны, но не было того чувства, от которого она задыхалась. Только легкая грусть тронула её душу.

- Прощай, мой «Енисей», прощай, любовь моя.

Волны ласково касались её босых ног, что-то тихо шептали.